

Title	<ARTICLE>
Author(s)	,
Citation	Acta Slavica Iaponica, 10, 33-42
Issue Date	1992
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/8039
Type	bulletin (article)
File Information	KJ00000033992.pdf

[Instructions for use](#)

Столыпинская реформа и русский агротехнологический переворот

Кимитака Мацузато

Естественно, что коренной пересмотр исторического развития русского общества сводит в значительной степени к переоценке бытовавшей, но оставшейся потенциальной возможности мирного развития страны. Причем, в виду того, что главной причиной крестьянского восстания 1917 года послужило их требование по изменению земельных отношений, по ликвидации помещичьего землевладения, – то представляется существенно важным проанализировать ход и результат попытки царского правительства перестроить земельно-аграрную структуру страны мирным путем, а именно путем Столыпинской реформы.

В советской историографии цель Столыпинской реформы давно определилась как создание массовой опоры царизма в деревне в лице зажиточных крестьян, и успешность реформы оценивалась по количеству насажденных хуторских хозяйств.¹ В последнее время в результате накопления работ, основанных на фактических данных, сложился новый критерий оценки. Современные советские историки считают, что главной целью земельной реформы являлось, скорее всего, разрушение крестьянских общин, которые давали «послухный материал для всякого рода массовых выступлений». Кроме того, стали считать, что Столыпин и министерство внутренних дел (МВД) стремились опираться не на зажиточный, а на средний слой крестьянства, то есть владельцев 8-18 десятин земли.²

Впрочем, отрицательная оценка реформы советских исследователей не изменилась исходя из факта, что до начала первой мировой войны только 10% домохозяев укрепило землю, и что, хотя реформа потрясла общину, все-таки она не смогла разрушить ее полностью, а, в частности, капиталистический элемент предпочел оставаться в общине и использоваться внутриобщинным-полуфеодальным способом эксплуатации.

Американский историк Ж. Ейни критиковал отождествление Столыпинской реформы с насаждением хуторов. Он, категорично отличив «укрепление» земли, а именно оформление частной собственности на землю, от, так сказать, технического землеустройства, имевшего целью уничтожение чересполосицы и рационализацию землепользования, разделил ход реформы на два этапа. Правительство в первую очередь стремилось к «укреплению», посредством единоличного выхода каждого хозяина из общины и продажи крестьянским банком частной и казенной земли. Однако, тактика единоличного выхода не нашла отклик крестьян. В ходе реформы землеустроительные деятели стали пользоваться мирским приговором с целью полного разверстания надельной земли на отрубное

землевладение, поставив на первый план техническое землеустройство. Так нашли общий интерес правительство и крестьяне. Упомянутое изменение характера землеустройства завершилось утверждением закона от 29 мая 1911 года о землеустройстве.³

Книга П. Н. Зырянова является последним достижением в советской историографии по данной проблеме. Он действительно похоронил традиционный тезис «ставки на сильных». По его мнению, большинство вышедших из общины составило полярный слой крестьянства; вдовы, старики, пролетаризованные люди и т. д.

С другой стороны, П. Н. Зырянов противопоставил свое мнение тезису Ж. Ейни «от хуторизации к землеустройству». По словам Зырянова, на начальном этапе реформы, пока еще продолжалась война с крестьянством, то есть во время издания Указа от 9 ноября 1906 года, Столыпину хотелось, через укрепление чересполосного надела «вбить клин» в общину, причем правительство не очень интересовало, какая часть крестьянства (богатые или бедные) сыграет роль такого «клина». Потом в связи с оформлением волостной реформы Столыпин-МВД надеялись на средних крепких крестьян. Однако в 1909 году инициатива по земельной реформе перешла из рук МВД (Столыпина) в Главное управление землеустройства и земледелия = ГУЗиЗ (Кривошеина). Землеустроительные деятели ГУЗиЗ, мало считаясь с концепцией реформы, сложившейся в МВД, мечтали о том, чтобы «разбить на квадратики, наподобие шахматной доски, все крестьянские земли». В результате появилась масса малоземельных отрубков.

С другой стороны, местные землеустроительные деятели с самого начала предпочитали единоличному выходу из общины полное разверстание надельной земли, так как оно выгоднее для «массовой фабрикации собственников». Законы от 14 июня 1910 года и от 29 мая 1911 года зафиксировали это направление. Однако, вопреки мнению Ж. Ейни, использование мирского приговора при индивидуализации землевладения никак не означало отступления от принципа приоритета хуторизации. В отличие от МВД, ГУЗиЗ не очень заботилось о устойчивости новых собственников. Поэтому его землеустройство, по мнению Зырянова, не могло принести подъема агрокультуры. Землеустроительные деятели даже препятствовали начинанию агрономов и крестьян по улучшению землепользования в случае, если оно было направлено на сохранение общинного землепользования. Например, землеустроительные комиссии и земские начальники не санкционировали мирских приговоров о переделе земли для перехода общин к многополью или широкой полосе.⁴

Итак, Ж. Ейни оценивает технологический эффект землеустройства (а не хуторизации) положительно, а П. Н. Зырянов – отрицательно. Первый отмечает изменение, происшедшее в деревенском порядке во время реформы: упадок власти земских начальников, подъем деятельности агрономов и кооператоров и т. д., а последний рисует картину сельской

жизни в традиционной постановке: крестьянское самоуправление и администрация. Несмотря на упомянутый контраст в суждениях обоих историков, видно интересное сходство между ними: обращение внимания скорее на землепользование, чем на землевладение, отход от телеологического толкования реформы как процесса осуществления или банкротства намерения Столыпина и «генетическая» методика по анализу взаимодействия между правительством, местными деятелями и крестьянством, эмфаза на влияние, оказываемое реформой на социально-бытовую жизнь деревни и т. д.

Мы коротко просмотрели историографию о Столыпинской реформе. Разумеется, что по мере расширения поля зрения исследователей, само понятие реформы оказывается неясным. Можно отличать три уровня его содержания: 1) хуторизация, 2) землеустройство в целом, 3) целый комплекс принятых правительственными, земскими и кооперативными учреждениями мероприятий по перестройке земельно-аграрного уклада страны. Мы можем включать в понятие «Столыпинская реформа» только фактор-1) и, по крайней мере, фактор-2). А чтобы объяснить фактор-3) лучше предложить другое понятие, например, «русский агротехнологический переворот». Если мы включим в понятие «Столыпинская реформа» и фактор-3), то оно окажется слишком деполитизированной, техницизированной.

Если, таким образом, мы определим Столыпинскую реформу только факторами-1) и 2), и если, согласно мнению П. Н. Зырянова и вопреки мнению Ж. Ейни, не только фактор-1), но даже фактор-2) не могли повлиять на подъем агрокультуры и не могли создать стабильный слой крепких хозяев, то, хотя мы уже освобождены от традиционного отождествления реформы с фактором-1), все-таки должен ли результат реформы считаться неудачным?

Нет. Именно из-за недопустимости техницизма при анализе Столыпинской реформы, приходится обратить внимание на политическую сущность намерения Столыпина. Вряд ли нужно объяснить то, что этой сущностью являлась стабилизация политико-социального положения в деревне в качестве необходимого условия выживания царизма (а не капитализация сельского хозяйства России, не говоря уже о капитализации по «фермерскому пути»). Хуторизация, усиление агропомощи, волостная реформа – такие начинания продуманы были, в конце концов, для стабилизации деревни. Тогда, пожалуй, допустимо оценить успехи Столыпинской реформы по степени того, как фактор-3) осуществлял, в большинстве случаев неожиданным для самого Столыпина путем, существенную цель Столыпина при условии, что начинания Столыпина послужили важным толчком для принятия различными учреждениями решений, могущих быть включенными в содержание фактора-3).

Если мы просмотрим такие фонды данного периода местных архивов, как «губернское присутствие», «уездные съезды», «земские начальники» и

т. д., то они оказываются наполненными документами массы исков, жалоб и ходатайств по поводу землеустройства и укрепления земли. Историки имеют право сказать: «Видите, так много протестов крестьян, поэтому Столыпинская реформа потерпела крах». Однако, автору кажется, что подобные документы скорее показывают ход насаждения и распространения у крестьян понятий законности и собственности, который представляет собой необходимое условие для строительства правового государства. Главное, что через несколько лет после первой русской революции, крестьяне протестовали не бунтами, а, в принципе, законным путем.

С изложенной выше «генетической» точки зрения, иначе говоря, с целью проанализировать Столыпинскую реформу как процесс взаимодействия упомянутых трех факторов, представляется важным изучать агропомощь данного периода. До какой степени реформа стимулировала развитие агрономических мероприятий, способствовала подъему агрокультуры России?

Бесспорно, во время реформы Россия испытала небывалые в ее истории сдвиги в сельском хозяйстве. ГУЗиЗ рассчитало увеличение производительности сельского хозяйства России в течение 1909-1913 годов в полтора раза.⁵ Вероятно в этом есть преувеличение. Однако даже по более скромным расчетам, проведенным современными советскими исследователями, валовое производство зерна в 1915 году по сравнению с 1900 годом увеличилось в 1.7 раза.⁶

Нельзя приписывать богатые урожаи данного периода только климатическим условиям. Как известно, причиной возникновения голода в XIX веке являлся «порочный круг» неурожая и сокращения посевной площади. Однако, в данный период наблюдалась обратная тенденция, то есть наблюдалось расширение посевной площади после неурожайного года, благодаря усиленной посевной кампании, проведенной правительством и земствами. Подобно этому, известно, что неурожай кормовых культур на Урале и Западной Сибири 1911-1912 годов послужил толчком для распространения в данном регионе кредитных кооперативов.⁷ Земские агрономы даже стремились воспользоваться моментом неурожая для пропаганды сельскохозяйственных новшеств. Например, при неурожае естественных сенокосов 1914 года Московская губернская земская управа рекомендовала агрономам использовать данный момент для развития полевого травосеяния, расширения посева клеверов.⁸ Мы не можем говорить о подобной активности и сознательности в предшествующем столетии.

Мнение П. Н. Зырянова о технологическом вреде фетишизации хуторов, исходит, в основном, из анализа настроения правительственных землеустроительных деятелей. Однако, их удельный вес в составе правительственно-общественного агрономического персонала постепенно уменьшился в связи с переходом инициативы в земельно-агрономической политике из рук ГУЗиЗ к земствам. Например, в начале реформы ГУЗиЗ

стремилось оказать агропомощь единоличным хозяевам через свои землеустроительные организации. Однако, встречая сильные протесты со стороны земств, агрономическая организация земле-устроительных комиссий была постепенно передана в руки земств. К 1914 году по 14 губерниям и по 229 уездам дела агропомощи единоличным владельцам были сосредоточены в ведение земств. Сверх того, по 11 губерниям земства принимали преимущественное участие в обслуживании районов землеустройства.⁹ Само собой разумеется, что, за счет перехода полномочий, ГУЗиЗ потребовало от земств согласия на принцип приоритета единоличным хозяйствам, но контроль по этому поводу со стороны ГУЗиЗ был довольно формален. Тем более контроль за земскими агрономами со стороны земской управы тоже был слабым. Агрономы на местах действовали будто уполномоченные, мало считаясь с намерением верхов ГУЗиЗ и даже земских управ.

В этом плане любопытен ход превращения характера земской участковой агрономии, введение которой, посредством сближения агрономов с населением, имело решительное значение в подъеме агрокультуры России в 1908-1916 годах. В 1909 году П. А. Столыпин, встретив технологические препятствия в хуторских хозяйствах, разослал земским собраниям телеграмму, вызвавшую усиление агропомощи единоличным хозяйствам.¹⁰ Хотя среди передовых земских губерний быстрое распространение участковой агрономии началось уже в предыдущем году, телеграмма Столыпина послужила решительным толчком. Один агроном через пять лет вспоминал:

телеграмма Столыпина сделала метаморфозу. Ярые реакционеры – гласные, для которых слово «агроном» было синонимом анархиста, бунтаря и крамольника, с подобострастным вниманием отнеслись к введению участковой агрономии. Зовут в собрание агронома, требуют немедленной краткой программы, просят указать число участков в уезде. Называю первую прешедшую на ум цифру – 6. Кричат – мало, надо 9. Стал я смелее и высказал свое предложение, что на тот маленький оклад, 1200 руб., какой существует в земстве, едва ли удастся найти хороших работников. Спрашивают: «Сколько же?» Говорю, «1500 руб.» «Мало, 1800 руб.» и зафиксировали 1800 руб., прибавили еще разъездных 400 руб. Даже совестно стало, что вдруг из черного угла посадили под святыне.¹¹

Однако, с другой стороны, намерение Столыпина использовать земскую агрономическую организацию специально для единоличных хозяев встретило неонародническое сопротивление со стороны земств. Например, Харьковская губернская земская управа, опасаясь того, что некоторые уездные земские собрания всецело согласились на принцип приоритета единоличной помощи, настаивала, что вопрос агропомощи единоличным хозяйствам нельзя рассматривать вне связи с постановкой агропомощи сельскому хозяйству вообще. В противном случае, по мнению управы,

«интересы господствующего общинного хозяйства» были бы нарушены, и это было бы «несвойственно натуре земства, призванного обслуживать интересы всех своих плательщиков». Управа потребовала поручить участковым агрономам и помощь единоличным хозяйствам.¹²

Столкновение между земской агрономической организацией и начинанием ведомств по хуторизации приобретало особо острую форму, как выше указано, вокруг проблем перехода к многополью. Дело в том, что по закону от 14 июня 1910 года полосы укрепившихся владельцев не могли быть переверстываемы при введении многополья общиной. В частности передел общин признаваемых данным законом подворно-наследственными (ст. 1) был ограничен.

В июне 1914 года на заседании совещания при Московской губернской земской управе земские агрономы предложили проект акта, заменяющего для упомянутых селений передельный приговор. По этому проекту, все вышедшие из общин домохозяева заключают между собой частно-правовой (арендный) договор, по которому каждый домохозяин уступает свои укрепленные полосы в аренду обществу, после чего обществом производится разбивка полей с переверстанием полос. Во избежании выдела домохозяевам по закону от 29 мая 1911 года земли, в договор должно быть включено условие о том, что каждый домохозяин в течение известного времени не должен требовать выдела.

Такой яркий пример обхода землеустроительных законов естественно вызвал сильное сопротивление со стороны ГУЗиЗ и МВД, считавших подобную попытку агрономов тормозом в переходе к «наиболее совершенной форме» землепользования, то есть хуторской. Земские агрономы возражали: «когда деревня пытается развивать производительную силу по-другому, минуя землеустройства, тогда ей говорят: стой, ты противодействуешь землеустроительным начинаниям и гонят ее назад от травосеяния и многополья».¹³

На фоне таких конфликтов, неонароднические агрономы во главе с Н.И. Огановским развивали теорию, пытающуюся сдерживать «безграничный простор индивидуального землепользования». Однако, нельзя преувеличивать несовместимость хуторизации и коллективного перехода к многополью. Что же касается Московской губернии, то она характеризовалась редкостными историко-географическими условиями, облегчающими общинный переход к многополью¹⁴ с одной стороны, а с другой – госуподставляющей позицией подворно-наследственных общин. В большинстве земских губерний начинание хуторизации, в принципе, спокойно интегрировалось в общерегиональном комплексе агрономических мероприятий.

Впрочем, независимо от намерения Столыпина, хуторизация привлекла относительно большее внимание агрономов и, в определенной степени, соединилась с технологическим прогрессом. Например, в Полтавской губернии из общего числа показательных полей – 48% было заложено в землеустроенных хозяйствах, 37% всех прокатных станций

были открыты в районах землеустройства и даже чтения – 36% из них устраивалось тоже в районах землеустройства, в то время, как общее число землеустроенных хозяйств губернии достигло лишь 12,5%. Произошло это не только потому, что правительство и земство обратили особое внимание на агропомощь в районах землеустройства, но и потому, что «работа в землеустроенных хозяйствах гораздо легче и результативнее». Легче была она потому, что агрономы могли организовать хозяйство заново, не считаясь с каким-либо прошлым, а результативнее – потому, что «в числе землеустроенных хозяйств действительно попадаются нередко люди энергичные и прогрессивные».¹⁵

Итак, мобилизация огромного количества надельной земли, с одной стороны, стимулировала, не обязательно хуторским путем, агротехнологический прогресс, а с другой – появилась масса малоземельных «хозяев», потерявших даже общинную толоку. Как помочь последним? Это проблема вызвала острые дебаты на заседаниях Первого Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве в сентябре 1913 года. А. Н. Минин потряс присутствовавших своим докладом, поставившим вопрос: «Не создает ли землеустройство условий, благоприятствующих агрономическим начинаниям коллективного характера». Он считал момент создания массы отчаявшихся малоземельных хозяев шансом убедить их в преимуществе коллективной обработки земли.¹⁶

В этом плане привлекает наш интерес опыт Полтавской губернии, где под руководством губернского агронома Ю. Ю. Соколовского были организованы товарищества по аренде земли и коллективному ведению полевого хозяйства. К примеру, в 1908 году Нефорощанское сельскохозяйственное общество Константиноградского уезда данной губернии, желая устроить показательное поле, сняло от землевладельца землю в аренду на 6 лет. При обсуждении вопроса по эксплуатации этого участка, возник и вопрос о том, что общество почти ничего не делает для своих малоземельных членов. Поэтому общество решило передать этот участок четырем однолошадным. Ими был заключен договор, по которому они должны были выполнять все работы по указанию земского агронома, а также придерживаться севооборота, установленного обществом. Общество отпустило хозяевам со своего склада необходимые орудия и машины. По договору оно имело право удаления товарищей в случае невыполнения установленных обязательств. Кроме первого года, между товарищами не происходило трений. Через 5 лет односельчане констатировали, что «поле имеет культурный вид,..... четыре человека подправили свои избы и стали настоящими хозяевами».¹⁷ Важно, что землевладельцы, пострадавшие от истощения плодородия земли из-за малосрочной аренды, охотно заключали арендные договоры с товариществами такого типа.

Разумеется, подобные начинания оставались лишь экспериментом до первой мировой войны, но они составили богатый опыт для агропомощи во время войны, но в этот раз коллективная обработка земли применялась не для преодоления малоземелья, а для преодоления недостатка рабочих рук.

Советские исследователи, отмечая потерю скорости землеустройства в 1912-1913 годах, делают вывод о том, что Столыпинская реформа провалилась не из-за нехватки мирного времени, а из-за присущей ей ограниченности. Однако слова упорного, беспощадного противника индивидуализации земледелия Н. И. Огановского дают нам более твердое убеждение в обратном:

«Еще в 1905 году государственные и общинные формы земледелия охватывали в Европейской России 70% территории ... и частное землевладение представлялось в виде тонких прожилок в толще мощных пластов национального и коллективного земельного достояния. Прошло 8 лет, и половина общинных земель юридически индивидуализирована; на другой половине – ловким ходом закона 14 июня общинно-передельный механизм превращен фактически в «живой труп», постепенно разлагающийся под влиянием единоличного землеустройства и товарного оборота земель. ... Словом, мало, кто сомневается в том, что если рулевое колесо истории не повернет налево в ближайшие годы, распространение частной собственности на большую часть культурноспособной территории России – вопрос одного-двух десятилетий».¹⁸

Нельзя недооценить потрясающие результаты реформы в экономических, технологических, юридических и социально-психологических аспектах.

Столыпин стремился к хуторизации. Однако, через массовую мобилизацию надельной земли определились не только «фермерский путь», но и самые передовые формы коллективистского земледелия – общинный переход к многополюю, товарищество по обработке земли. Хотя и фермерский и коллективистский пути оставались на экспериментальном этапе, автору кажется, что модернизация русской деревни, если бы война не пресекла ее, осуществлялась бы более или менее коллективным путем. Экономика – она скорее антропологическое, а не абстрактное явление.

Главное, что и столыпинцы и неонародники могли оправдать себя, по крайней мере на словах, уже только технологическим эффектом своего агрономического курса. На этот аспект, то есть на подъем прагматизма и профессионализма, определивший дух эпохи третьей ионьской монархии, нужно обратить большее внимание потому, что он является всегда признаком оздоровления политического положения.

Примечания

- 1 С. М. Дубровский, Столыпинская земельная реформа (М., 1963).
- 2 Кризис самодержавия в России, 1895-1917 (Л., 1984), стр. 349-374. Однако, академик И. Д. Ковальченко еще представляет старый взгляд. См. «Столыпинская аграрная реформа – миф и реальность.» История СССР, № 2 (1991), стр. 52-72.

- 3 George L. Yaney, *The Urge to Mobilize - Agrarian Reform in Russia, 1861-1930* (University of Illinois Press, 1982).
- 4 П. Н. Зырянов, Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 (М., 1992)(предположено).
- 5 ГУЗиЗ, Итоги работ за последнее пятилетие 1909-1913 г.г. (Спб., 1914), стр. 11.
- 6 Аграрная политика и продовольственный вопрос в дореволюционной России (М., 1982), стр. 10. И. Д. Ковальченко упоминает о снижении среднегодового прироста после 1905 года валовых сборов земледельческой продукции (указ. соч., стр. 65). Однако, естественно, что по мере роста их абсолютного количества среднегодовой прирост снижается. Утверждение И. Д. Ковальченко о том, что «пик этих сдвигов (в развитии земледелия – К. М.) был пройден до революции 1905-1907 г.г.» можно отвергнуть, ссылаясь на любое из выступлений агрономов и земских деятелей. (Например, см. Вестник Сельского Хозяйства № 5 (1914), стр. 10. Известия Московской Губернской Земской Управы, вып. 1 (1914), стр. 9. Вестник Кооперации, кн.2 (1912), стр. 61-62). Пик пришел после 1905 года.
- 7 МВД, Управление сельской продовольственной части, Отчет по продовольственной кампании 1911-1912 г.г., кн. 1 (Спб., 1913), стр. 255-294.
- 8 ЦГИАМ СССР, ф. 184, оп. 2, д. 1393, л. 4.
- 9 Ежегодник ГУЗиЗ по Департаменту Земледелия, за 1913 год, (Пг., 1914), стр. СХХУ-СХХИ.
- 10 “Циркулярная телеграмма министра внутренних дел губернским и уездным предводителям дворянства, от 19 сентября 1909 года за №1565,” Известия ГУЗиЗ, № 44 (1909), стр. 979-980.
- 11 Южно-русская сельскохозяйственная газета, № 21 (1914), стр. 10-11.
- 12 “Доклад Харьковской губернской земской управы губернскому земскому собранию, сессии 1909 года,” Об оказании агрономической помощи единоличным хозяйствам, (Харьков, 1909), стр. 10-13.
- 13 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 121, д. 114, л.л. 1, 3-4, 7, 8 и 10.
- 14 Даже губернский агроном Пермской губернии, где агрономы подобно Московской губернии стремились к коллективному переходу к многополью и во время Столыпинской реформы составили исключение среди земских губерний, полностью отказавшись участвовать в обслуживании районов землеустройства, указывал на отсутствие в своей губернии подходящих условий для общинного перехода к многополью, подобных в Московской губернии. (Обзор агрономических мероприятий Пермского земства за 1901-1906 г.г. и очередных работ земских агрономов, (Пермь, 1907), стр. 97-99).
- 15 Труды 1-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1-10 сентября 1913 года, выпуск II, стр. 131. Из доклада А. Н. Минина.
- 16 Там же, стр. 131-141.

- 17 Труды 7-го совещания земских агрономов Тамбовской губернии при Тамбовской губернской земской управе 17-19 октября 1913 года, (Тамбов, 1915), стр. 85-86.
- 18 Вестник Сельского Хозяйства, № 32 (1914), стр. 5-6.